

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ

УДК 001.8

К ВОПРОСУ О СИСТЕМНОСТИ НАУКИ В СВЕТЕ ПОСТМОДЕРНИЗМА

Т.Ф. Пыхтина

Новосибирский государственный университет
экономики и управления – «НИНХ»

philos@nsaem.ru

В статье изложена проблема понимания современной науки с позиций постмодернизма. Отмечены те кардинальные изменения, которые произошли в трактовке ее системности и самоорганизации.

Ключевые слова: наука, система, структура, когнитивное и социальное, классическая наука, постпозитивизм, постмодернизм.

Говорить о современной науке как о системе не просто, поскольку познавательная ситуация стремительно меняется. Становление и развитие классической науки шло многие столетия, в то время как один последний век резко изменил лицо науки. Переход к квантово-релятивистской картине мира, обращение на этой почве к идеям синергетики, нелинейности систем и т. д. привели по многим параметрам к отказу от канонов классической науки, что вполне справедливо вызывает вопросы ее самосохранения, системного развития. По крайней мере, требует переосмысления новое видение ее организации. Тем более, что изменилось и само понятие «система». В современной эпистемологии проблема звучит уже не как «система – объект», а как «система-объекте» относительно определенного качества. По замечанию Е.Б. Агошковой,

«... система всегда представляет собой абстрагированную от целостного объекта совокупность свойств и отношений, т. е. абстрактный объект. Поэтому, строго говоря, выражение «материальная система» есть лишь метафора. Любая система есть абстракция, абстрактное представление определенного среза, аспекта материального объекта. Иными словами, «абстрактная система на материальном объекте»¹.

Если обратиться к истории науки, то очевидно, что критерии ее системной ограниченности и целостности менялись в зависимости от целей и средств познания. В античности научное знание базировалось на логических критериях (четкость, организованность, обобщенность, абстрактность),

¹ Агошкова Е.Б. Категория «система» в современном мышлении / Е.Б. Агошкова // Вопросы философии. – 2009. – № 4. – С. 63.

в новоевропейской культуре эти критерии дополняются гносеологическими. Неклассическая наука включила в себя и социальные параметры, что наложило свой отпечаток, прежде всего, на трактовку научной истины – по сути главного ее системообразующего основания. Жесткое разведение субъекта и объекта, присущее классической науке, ушло в прошлое. Отсюда последовал отказ от понимания истины в качестве объективной характеристики знания. Поэтому и взгляд на системную организацию науки претерпел существенные изменения. Модерн в науке (пример постпозитивизма) сделал акцент на деятельности особых профессиональных сообществ. В этом ключе системность науки выводилась из специфической связи социального и когнитивного при учете развитой логико-гносеологической и методологической научной базы. «Научное знание является по своей сути социальным. Как социальная деятельность наука безусловно выступает как продукт исторических процессов, протекающих в определенном времени и пространстве, в которое вовлечены люди»².

В качестве системообразующего параметра или основания системы науки подчеркивалась уникальность научного знания и его значимость. Это обстоятельство сближало постпозитивизм с классической наукой. Его представители разрабатывали институализированную степень защиты от вторжения альтернативных представлений и пониманий. Однако в дальнейшем Штанбергская группа в описании стадии «финализации науки» наделила ее альтернативами развития, поставив в зависимость от экономических, социальных и политических целей.

Получив свое широкое развитие в постмодернизме, эти идеи захватили науку. Вообще, постмодернистское веяние в мировосприятии, хотя и возникло первоначально как литературно-эстетическое течение, активно вовлекает и другие формы, в том числе и научное познание, предложив оригинальные и интересные идеи. Относительно понимания науки он неоднозначен. Наряду со схожестью общих оценок ограниченности и упрощенности научного знания выдвигаются разные версии. В литературе они отмечены как «позитивная» и «негативная», «слабая» и «сильная» и т. д., в зависимости от степени укоренения идей постмодерна во взглядах на науку. Но в любом случае абсолютизируется субъект-объектная методология, где субъект трактуется уже не в контексте его индивидуальности, а как коллективный, нагруженный интуицией, элементами бессознательного и частными целями. Главная мысль, на которой построена постмодернистская концепция мира, – это открытость систем и свобода: система открыта для субъекта, он свободен в ее трактовке исходя из своих целей и задач. По этому поводу видный идеолог постмодерна Ж.-Ф. Лиотар отмечал, что постнеклассическая наука является антимodelью стабильной системы. Это – открытая система, связанная с открытым обществом и открытой культурой постмодерна³, в то время как классическая наука за счет установившихся проблем, неизменного категориального аппарата, определяющего методы познания действительности, навязывает свой смысл явлению. Это обстоятельство как ограничение свободы познания вызывает негативное отношение практически

² Mendelsohn E. The social construction of scientific knowledge// The social production of scientific knowledge. – Dordrecht. Boston, 1977. – P. 5–6.

³ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. – СПб.: Алетейя, 1998. – С. 145–147.

всех представителей постмодернизма. По замечанию, например, Ж. Дерриды: «Факты сами по себе являются теоремами, их достаточно *описать*, т. е. рассказать, ... чтобы теория в качестве смысла самих вещей была произведена самим объектом описания. Смысл представляется сам собой, в порядке самопрезентации ...».⁴ Поэтому, заключает автор, мышление должно быть свободным к деконструкции и децентрализации. Следовательно, отвечая современным требованиям, наука должна стоять скорее на позициях холистического мировидения, в отказе от теоретического фундаментализма, поскольку, как отмечают авторы, мир текуч и проницаем. Причем с этих позиций и само понимание мира своеобразно: мир воспринимается не как объективная реальность, а как идеологический феномен культуры – текст, в котором всегда присутствует сам субъект.

Надо сказать, что человекоразмерность в науке так или иначе присутствовала всегда. Однако абсолютизация роли общекультурных ценностей, практических частных интересов, вносимых субъектом в науку, приводит к более свободному, вольному обращению с предметом этого знания: перенос методов изучения с одного объекта на другой благодаря языку как всеобщему методу; слияние и смешение стилей и интерпретаций. Так, М. Серр в своих лекциях, прочитанных USCD в 1997 году, подчеркивал, что наука находится в едином пространственном поле культуры. По этой причине возводил обозначенный им метод «беспорядочного энциклопедизма» в качестве определяющего в рождении истины: научная истина возникает из пересечения

дисциплин, а посему научное творчество складывается из трех способов познания – философского, научного, художественно-мифологического.

Как видно, для научного познания это означает растворение его в ненаучном (нарративном, по Лиотару), утрату собственно научной методологии: на смену ей приходят методы художественного и обыденного познания. Понятно, почему возникает проблема системной организации науки, поскольку нивелируются ее системные параметры и главное – системное качество – специфическая истина. Можно ли при подобном подходе говорить о научной истине как таковой и, соответственно, о системе, производящей ее? В большинстве своем представители постмодернизма отличают науку и говорят о ее системности, но характеризуют со стороны дискурса в качестве *определенной* языковой игры⁵:

- научное знание требует выбора одной из языковых игр – денотативной и исключает другие. Критерий приемлемости высказывания – оценка его истинности с точки зрения эксперта;

- изолированно от других языковых игр, представляя собственный институт;

- требуемая компетентность в науке обращена только к высказывающему. Здесь нет, как в нарративе, оснований быть тем, о чем знание говорит, что оно есть;

- научная игра содержит диахронную темпоральность, т. е. память и проект. Диахронность, предполагающая накопление в памяти и исследовании нового, очерчивает кумулятивный процесс;

- знание, накопленное в ранее принятых высказываниях, всегда может быть отвергнуто. Новое может быть принято лишь в том

⁴ Жак Деррида в Москве. Пер. с фр. и англ./ Предисл. М. К. Рыклина. – М.: РИК «Культура», 1993. – С. 58.

⁵ Лиотар Ж.-Ф. Указ. соч. – С. 66–68.

случае, если оно опровергнет предыдущее посредством аргументов и доказательств.

Подобная трактовка проблемы неизбежно приводит к конструктивизму: наука – это уже не образ мира как такового, а определенная лингвистическая конструкция, зависящая от социальных процессов, и состоит из конструкций, построенных на основе когнитивных интерпретирующих схем.

Очевидно, что в этом случае системность науке задается самим субъектом, который оказывается не только в центре, но и в основании познания, используя доступные ему методы, формы и средства познания. Наука в этом смысле оказывается формой *эпистемологического путешествия*, создающего новые связи между человеком и миром. Прочтение мира – текста осуществляется всегда культурно-историческим субъектом, который задает науке гетерогенность. Этим и объясняется плюрализм, изменчивость, фрагментарность научного познания и локальность научной истины, что отстаивает постмодернизм.

Ж. Деррида⁶, например, критикуя «трансцендентальное» как традицию западного логоцентризма, говорил, что поиск законов есть всего лишь желание человека во всем увидеть истину. По сути, истину вносит сам человек: его работа с текстом подчинена смысловым стереотипам, господствующим в сознании. А организующее начало структуры заложено в желании наблюдателя. Структуры познания не просто не зависят от опыта, а имеются до опыта. Отсюда истина является конструкцией, а не слепком. По этому поводу, анализируя идеи Дерриды, И. Ильин пишет: «Для Дерриды этот центр (начало, что организует структуру) – не объективное свой-

ство структуры, а функция, постулированная наблюдателем»⁷. Поэтому и получается, что истина конструируется субъектом исходя из социальной значимости и ее творческой продуктивности, имея фрагментарность и локальную историчность.

Лиотар пишет: «Консенсус по поводу правил и приемов каждой игры, ... должен быть локальным, т. е. получен действующими ныне партнерами, и подверженным возможному расторжению»⁸. Более того, по его же словам, система поощряет временный контракт «... по причине его большей гибкости..., наилучшей оперативности»⁹.

Иначе говоря, постмодернизм выстраивает познавательную ситуацию, а вместе с тем и саму систему науки, в отказе от рациональности, построенной на бинарности субъекта и объекта. Исходный принцип такого подхода – «открытие открытого», создает возможность поливариантности интерпретаций, истин, ценностных иерархий. На первый план выходит «понимающий микро-анализ» субъекта как единство чувственного и рационального, эмоционального и рассудочного. Наиболее детально эта идея представлена в творчестве видного представителя постмодернизма Ж. Делеза в известной «Логике смысла»¹⁰. По Делезу, мир дан человеку в виде бесформенного, в виде непостижимых «знаков», мышление же, обладая неким гетерогенным элементом, «свертывает внешнее», т. е. конструирует его. Субъект выражает себя (у Делеза – манифестация), строит систему через обозначение (денотацию) конкретных образов в свете соб-

⁷ Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа / И.П. Ильин. – Москва: Интрада. – С. 19.

⁸ Лиотар Ж.-Ф. Указ. соч. – С. 157.

⁹ Там же. – С. 143.

¹⁰ Делез Ж. Логика смысла / Ж. Делез. – М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая книга, 1998.

⁶ См. Деррида Ж. О грамматологии / Ж. Деррида. – М.: Ad Marginem, 2000. – С. 88–90, 122.

ственного понимания. Но для того чтобы дать оценку предложению, необходима еще одна операция – сигнификация – связь слова с универсальными или общими понятиями. Таким способом устанавливается связь с другими предложениями, что и выступает условием истинности. При этом Делез погружает субъект в изначальный *смысл* обозначения как нечто безусловное¹¹.

По оценке Л.А. Марковой, «... у Делеза появляются «точки неразличимости», субъективное и предметное как бы перемешиваются, становятся похожими друг на друга, перестают друг другу противостоять»¹².

Познавательная ситуация в постмодернизме заставляет обращаться более детально к основам и значимости языка. М. Фуко, например, введя понятие «исторического бессознательного», утверждал, что каждая эпоха имеет свою эпистему – «проблемное поле», образующееся из дискурса различных научных дисциплин, из чего и складывается эпистема, реализуясь в речевой практике, где присутствует своеобразный код – свод предписаний и запретов. Эти нормы бессознательного определяют языковое поведение¹³. Именно через язык субъект и организует систему знания, и задает программу исследования. У. Эко, выступая с публичной лекцией, говорил: «Система – в данном случае лингвистическая система – это сумма возможностей, содержащихся в данном естественном языке...» в плане множественности интерпретаций¹⁴. Сказанное не означает релятивизм

субъекта, так как любая лингвистическая система ориентирована на текст. «Тексты сужают бесконечные или неопределенные возможности систем и создают закрытый универсум»¹⁵. Таким образом, тот код, в который погружен субъект, служит способом проникновения в смысл произведения. По этому поводу Р. Барт пишет: «... превнося свою интуицию в совершаемый мною акт чтения, ... я сам подчиняюсь требованиям символического кода, лежащего в основе произведения...»¹⁶.

Следуя приведенным положениям авторитетных в постмодернизме авторов применительно к науке, ее системная организация оказывается определяемой языковой игрой. Иначе говоря, научный дискурс организует научное знание и познание, придавая ему системность. Объективированный в текст (объект) субъект вовлекается в смысл, в определенной степени уже заданный самим словом.

Очевидно, что постмодернистские версии оставляют за наукой право быть системой, но исключительно в рамках своих представлений: это – открытая для субъекта система, он – неотъемлемая часть реальности, познанием которой занята наука. Поэтому на первый план выходят такие проблемы, как определение роли знака, символа, языка, структуророждающей деятельности. Сохраняется и проблема истины как систематизирующего качества. Но ее понимание принципиально расходится с классическим, смысл скорее следующий: истина для данного субъекта

берто Эко на экономическом факультете МГУ 20 мая 1998 г.) / У. Эко // Новое литературное обозрение. – 1998. – № 32.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. Трактаты, статьи, эссе / Сост., общ. ред. Г.К. Косикова. – М.: МГУ, 1987. – С. 37.

¹¹ См. Маркова Л.А. Наука и логика смысла Ж. Делеза / Л.А. Маркова // Философские науки. – Вып. 6. – М.: ИФ РАН, 2000. – С. 254–281.

¹² Маркова Л.А. Переосмысление субъект-предметного отношения / Л.А. Маркова // Вопросы философии. – 2006. – № 4. – С. 109.

¹³ Фуко М. Слова и вещи / М. Фуко. – СПб.: А-сac, 1994. – С. 230–231.

¹⁴ Эко У. От Интернета к Гутенбергу: текст и гипертекст (отрывки из публичной лекции Ум-

екта и полученная средствами этого субъекта. Опять же уместно вернуться к Делезу, по словам которого, концепт всегда обладает той истиной, которую получает в зависимости от условий своего создания. Ж.-Ф. Лиотар качестве необходимого условия истинности знания выдвигает его легитимацию и, в конечном счете, заключает: «Истинность высказывания и компетенция высказывающего зависят... от одобрения коллектива равных по компетенции».¹⁷ Смысл один — научный поиск в том или ином проблемном поле замыкается в рамках коллективного субъекта. Отсюда и признание лишь локальности истины, ее подвижность и плюрализм, о чем было сказано выше.

Безусловно, субъект познания — активный конструктор когнитивной системы отсчета. «Именно он своей волей и творчеством “собирает” ту или иную когнитивную систему отсчета и идентифицирует себя с ней»¹⁸.

Однако в плане научного познания трудно полностью разделить позиции постмодернизма в его отказе от объекта как такового. Включенность субъекта в объект присутствует, но всегда в рамках определенной соизмеримости, поскольку сам объект определен не только уровнем познавательной культуры человека, но и некими присущими ему возможностями. Поэтому сложно представить систему науки в ее достаточной полноте исходя только из версии постмодернизма.

¹⁷ Лиотар Ж.-Ф. Указ. соч. — С. 65.

¹⁸ Лазарев Ф.В., Лебедев С.А. Проблема истины в социально-гуманитарных науках: интервальный подход / Ф.В. Лазарев, С.А. Лебедев // Вопросы философии. — 2005. — № 10. — С. 104.

Литература

Агошкова Е.Б. Категория «система» в современном мышлении / Е.Б. Агошкова // Вопросы философии. — 2009. — № 4. — С. 57–71.

Делез Ж. Логика смысла / Ж. Делез. — М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая книга, 1998. — 480 с.

Деррида Ж. О грамматологии / Ж. Деррида. — М.: Ad Marginem, 2000. — 512 с.

Жак Деррида в Москве. Пер. с фр. и англ. / Предисл. М.К. Рыклина. — М.: Культура, 1993. — 208 с.

Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. Тракаты, статьи, эссе / Сост., общая ред. Г.К. Косикова. — М.: МГУ, 1987. — 512 с.

Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа / И.П. Ильин. — Москва: Интрада, 1998. — 255 с.

Лазарев Ф.В., Лебедев С.А. Проблема истины в социально-гуманитарных науках: интервальный подход / Ф.В. Лазарев, С.А. Лебедев // Вопросы философии. — 2005. — № 10. — С. 95–115.

Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. — СПб.: Алетейя, 1998. — 360 с.

Маркова Л.А. Наука и логика смысла Ж. Делеза / Л.А. Маркова // Философские науки, вып. 6. — М.: ИФ РАН, 2000. — С. 254–281.

Маркова Л.А. Переосмысление субъект-предметного отношения / Л.А. Маркова // Вопросы философии. — 2006. — № 4. — С. 98–110.

Фуко М. Слова и вещи / М. Фуко. — СПб.: А-сад, 1994. — 408 с.

Эко У. От Интернета к Гутенбергу: текст и гипертекст (отрывки из публичной лекции Умберто Эко на экономическом факультете МГУ 20 мая 1998 г.) / У. Эко // Новое литературное обозрение. — 1998. — № 32. — С. 5–14.

Mendelsohn E. The social construction of scientific knowledge // Everett Mendelsohn, P. Weingart and R. Whitley, eds. The social production of scientific knowledge. Sociology of the Sciences yearbook. — Dordrecht; Boston, 1977. — С. 3–26.